

·the big book·

ДИН
КУНЦ

КРАЕМ ГЛАЗА
•
ИССТУПЛЕНИЕ
СКОРОСТЬ
•
ТИХИЙ УГОЛОК
•
ТЕМНЫЕ РЕКИ СЕРДЦА
•
ФАНТОМЫ
•
КОМНАТА ШЕПОТОВ
•
НЕХОРОШЕЕ МЕСТО
•
ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ
•
ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫЖИВШИЙ
•
ПОЛНОЧЬ

ДИН КУНЦ

ПОЛНОЧЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 91

Dean Koontz
MIDNIGHT
Copyright © 1989 by Nkui, Inc.
This edition published by arrangement with **InkWell Management LLC**
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Виктора Шулякова

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16426-0

© В. М. Шуляков, перевод, 1993
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Эду и Пэт Томасам,
участникам Карнавала книги.
Они настолько приятные люди,
что порой мне кажется — они вовсе не земляне,
а пришельцы из других, лучших миров*

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

НОЧЬ
НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Создания полночи там кружат в темноте под звуки
им одним лишь ведомых мелодий.

Книга печалей

1

Шесть миль каждый вечер. Двадцать лет подряд. Джэнис Кэпшоу считала, что выглядит лет на десять моложе в свои тридцать пять именно благодаря этому. И так, почти каждый вечер часов в десять-одиннадцать на ней уже был спортивный костюм со светоотражающими полосками на груди и на спине, кроссовки «Нью бэлэнс», на голове — лента для волос.

В воскресенье, 21 сентября, Джэнис вышла из дома в десять часов и пробежала четыре квартала по Оушн-авеню, главной улице городка Мунлайт-Ков. Дальше она, как всегда, свернула налево и продолжала бег вдоль побережья по направлению к городскому пляжу. В этот час здесь было пустынно и мрачно — ни машин, ни прохожих. Все было закрыто, кроме двух заведений, где никогда не запирали двери, — таверны «Рыцарский мост» и костела Девы Марии. Городок Мунлайт-Ков в отличие от многих других не делал ставку на туристов. Когда-то размеренность здешней жизни даже привлекала внимание Джэнис, но затем ей иногда стало казаться, что город не просто дремлет, а впадает в летаргию.

Янтарь фонарей, оправленный в тень кипарисов и сосен на главной улице, неподвижный воздух и туман, струящийся над мостовой, — больше никого и ничего. Джэнис казалось, что она — последний человек на Земле и только звуки ее шагов и дыхание нарушают тишину, наступившую после Страшного суда.

Когда бежишь утром, перед работой, совсем не то ощущение, к тому же летом к десяти вечера спадает жара. Но не это было главным для Джэнис. Просто она всегда любила ночь.

Это началось еще в детстве, когда она научилась наслаждаться после заката звездным небом, пением лягушек и цикад. Темнота сглаживала острые углы этого мира, приглушала краски. В сумраке наступающей ночи небо поднималось высоко над землей, мир расширялся. Ночь была больше, чем день, и казалось, что в жизни сбудется больше желаний.

Теперь путь ее лежал по берегу моря. Лунный свет, переливающийся то золотом, то серебром, в этот вечер почти не заслоняли ни облака, ни туман; она могла видеть все перед собой. Таинственные огоньки плясали на волнах, полоса песка, казалось, сама светилась лунным светом, и даже туман похитил у осенней луны часть ее отблесков.

Только здесь, у ночного моря, в одиноком беге вдоль волны прибоя Джэнис обретала себя.

Ричард — ее покойный муж, умерший от рака три года назад, — часто говорил, что по своим биоритмам она даже больше чем «сова». «Из тебя мог бы выйти неплохой вампир, для них ночью — раздолье», — шутил он, а она всегда отвечала: «Во всяком случае, я буду сосать не твою кровь». Видит бог, она любила его. Сначала, правда, опасалась, что у жены лютеранского пастора будет скучная жизнь, но опасения ни разу не оправдались. Прошло три года, а она вспоминает его каждый день. И каждую ночь. Он был...

Внезапно Джэнис почувствовала, что она не одна на пустынном пляже. Это случилось в тот момент, когда она миновала кипарис, росший прямо в центре пляжа между линией берега и холмами. Нет, никаких звуков и движений, кроме собственных, она не заметила, только инстинкт подсказал ей: кто-то нарушил ее одиночество.

В первый момент тревоги не возникло, на пляже мог появиться еще один любитель вечерних пробежек. Так бывало изредка, раза два-три в месяц, правда люди выбирали это время не по своей воле, в отличие от Джэнис.

Но когда она остановилась и оглянулась, то увидела все тот же пустынный пляж, пену прибоя и мрачные, но знакомые деревья и скалы. Тишину нарушал лишь рокот волн.

Для беспокойства не было причин, и Джэнис продолжила бег, восстанавливая свой обычный темп. Через пятьдесят ярдов, однако, краем глаза ей удалось заметить какое-то движение: футах в тридцати слева от нее быстрая тень переместилась из-за кипариса к каменной глыбе и скрылась из виду.

Джэнис повернула назад, осторожно пошла к камню. Судя по мимолетному впечатлению, тень была ростом выше собаки, возможно, человеческого роста, что-то еще понять было трудно, слишком быстро все произошло. Глыба, к которой она приближалась, имела футов двадцать в длину и от четырех до десяти футов в высоту — при желании за ней мог спрятаться кто угодно.

— Кто здесь? — Джэнис не ждала ответа и не получила его.

Страха не было, только беспокойство. Скорее всего, ей что-то померещилось. Или на пляж выскочила чья-то собака. Хотя собака подбежала бы к ней. Не видя вокруг никаких признаков опасности, Джэнис испытывала только любопытство.

Ночная свежесть давала о себе знать. Она решила пробежаться на месте и подождать развития событий.

Кстати, неподалеку у Фостеров была конюшня. Она находилась в двух с половиной милях от южной оконечности бухты, и одна из лошадей вполне могла прибежать оттуда. Судя по росту, даже не лошадь, а пони. Но почему не было слышно топота копыт? Конечно, это была лошадь, надо будет добежать до Фостеров и сообщить им о пропаже.

За камнем, куда заглянула Джэнис, ничего не было, лишь лунные тени причудливо затаились возле расщелин.

Сушная ерунда. Никакой опасности. Это какой-нибудь любитель бега или случайное животное. В Мунлайт-Кове всегда царил покойствие. У полиции не было забот, если не считать мелких краж и хулиганства, да еще аварий. В этом городе как будто не доросли до грехов, изнасилований и убийств, которые уже познала остальная часть Калифорнии.

Джэнис вернулась к берегу — от сердца отлегло, просто луна и туман сыграли с ней глупую шутку.

Туман стучался, но она решила пробежать до конца свой обычный маршрут, надеясь вернуться на Оушн-авеню еще до того, как белая мгла накроет весь пляж.

Ветер, налетевший с моря, набросился на туман и взбил его в плотную молочную пену. В тот момент, когда Джэнис достигла южного края бухты, ветер уже взялся за волны и бросал их одну за другой на волнорез, продолжавший линию берега.

На двадцатифутовой высоте волнореза кто-то стоял и взирал сверху на Джэнис. Она увидела этот силуэт во всполохе тумана, в лунном свете.

Теперь ужас охватил ее.

Черты лица было не различить, хотя незнакомец стоял прямо перед ней. Если туман не обманывал зрение, росту в нем было футов шесть.

Но на незримом лице его она видела глаза, и глаза эти внушали ей ужас. Янтарно-желтый блеск их был сродни глазам зверя, вырвавшегося на полночную дорогу в свет фар.

Взгляд этих глаз сковал Джэнис. Должно быть, древние идолы — воплощения дьявольского культа — так же светились в лунном свете желтыми углями глаз. Море, беснуясь, старалось коснуться идола тысячами своих рук. Надо было отворачиваться и бежать, но ноги приросли к песку, ночные ужасы крепко вцепились в ее тело.

Не сон ли это, не ночной ли кошмар, нельзя ли проснуться от него в своей постели, в тепле и безопасности?

В этот миг незнакомец издал странный протяжный вопль, в этом крике жалобная нота смешалась с угрозой и был холод, холод...

Он сдвинулся с места.

Спускаясь с волнореза, этот некто приближался к ней на четырех лапах, в движениях была нечеловеческая, кошачья ловкость. Еще секунда — и он настигнет ее.

Очнувшись от оцепенения, Джэнис бросилась назад, к спасительному выходу с пляжа, но до него была целая миля. Окружавшие бухту дома с ярко светящимися окнами имели

выход прямо к морю, но в такой темноте Джэнис не была уверена, что сможет найти ведущие к ним ступени. На крик она сил не тратила, не надеясь, что кто-то услышит, но опасаясь, что крик может стать последним в ее жизни, стоит лишь слегка ослабить темп.

Двадцать лет ежедневного бега спасали ей раньше здоровье, сейчас они могли спасти жизнь. Тело не подводило Джэнис: оно послушно служило спринтерской гонке. Ей бы только добраться до Оушн-авеню, там при свете фонарей на главной улице ей ничто не будет угрожать.

С высоты небес вдруг начал изливаться странный пульсирующий свет. Луна подмигивала и посылала в туман все новых призраков, окружавших Джэнис со всех сторон, бежавших с ней наперегонки. Погоня все больше походила на сон из-за причуд лунного света, но Джэнис знала: во сне ли, наяву ли, там, сзади, в ее плечо упирается взгляд янтарно-желтых глаз.

Уже осталась половина пути до Оушн-авеню, и она была уверена в близости спасения, как вдруг два новых призрака возникли из тумана. Нет, это были не призраки. Один из них двигался футах в двадцати справа, бежал, как человек, на двух ногах; второй скакал слева на четырех лапах и был еще ближе к ней, роста он был человеческого, но нечеловеческой, звериной была грация его прыжков. Ничего больше не могла разобрать Джэнис, только видела, как светились их глаза.

Инстинкт подсказывал Джэнис, что ни один из этих двоих не был незнакомцем с волнореза. Тот, третий, так и бежал сзади. Она знала это и была уверена: они окружают ее.

Ей было не до догадок, можно будет потом подумать об этих странных вещах. Сейчас она просто принимала все как есть; глубоко веря в Бога, она всегда допускала существование неземного и невозможного в этой жизни.

Страх, который сковывал ее прежде, теперь придавал ей силы — она ускорила бег. То же самое сделали ее преследователи.

Услышав жалобный стон, она с трудом узнала в нем свой собственный голос.

К ее ужасу, этому стону стали вторить завывания призраков. Гортанные, протяжные звуки, то низкие, то высокие, казалось, раздавались в предвкушении близкой расправы. Хуже того, в диких воплях Джэнис вдруг разобрала слова, обрывки грязных слов:

— Поймаем суку, поймаем суку...

Кто же они? Не люди, но говорят и двигаются по-человечески. Так кто же они, если не люди?

Сердцу стало тесно в груди.

— Поймаем суку...

Они все ближе, и ей не вырваться из их тисков. Джэнис бежала, не поднимая глаз, она бежала, ибо знала: вид преследователей добьет ее, обдаст холодом, бросит на песок.

И она была брошена на песок. Кто-то налетел на нее сверху; она почувствовала, что все трое, навалившись, рвут в клочья одежду, касаются ее.

Луна исчезла за облаками, и призрачные тени спрятались в темноте.

Лицом Джэнис уткнулась в песок, ей удалось издать еще один крик, похожий на стон, она задыхалась.

Беспорядочно отбиваясь руками, она с каждой секундой все больше понимала бессмысленность сопротивления.

Мрак покрыл землю, луна погасла.

С Джэнис сорвали костюм, треск материи больно отозвался в спине, и она вдруг осознала, что грубые руки, занесенные над ней, принадлежат человеческому существу.

Тяжесть на мгновение ослабла, из последних сил Джэнис рванулась вперед, но была настигнута вновь. Теперь лицо ее омывал морской прибой.

Хаос звуков, стонов, причитаний, лая и воплей поднимался над ночным берегом, и в этом хаосе кружились обрывки слов:

— ...поймаем ее, поймаем ее...

— ...хочет, хочет этого, хочет этого...

— ...теперь, теперь, быстрее, теперь, быстрее, быстрее...

С нее сорвали остатки одежды, она уже не понимала, что хотят с ней сделать, насилие это, убийство или ни то ни другое. Она лишь чувствовала: призраки эти находятся во власти чудовищной, неутолимой жажды, ибо ночь была пронизана этой жаждой так же, как туманом и мраком.

Один из них пригнул ей голову, вдавил в песок — морская вода теперь не давала дышать. Она знала, что умрет, что скована и беспомощна, она умрет, и все из-за этих шести миль каждый вечер.

2

В понедельник, 13 октября, двадцать два дня спустя после смерти Джэнис Кэпшоу, Сэм Букер ехал в городок Мунлайт-Ков, сидя за рулем автомобиля, нанятого им в международном аэропорту Сан-Франциско. По дороге он затеял жестокую и слегка забавную игру с самим собой: он начал составлять в уме список причин, по которым ему хотелось бы еще пожить на белом свете. Хотя ехал он уже часа полтора, в голову ему пришло всего четыре вещи: пиво «Гиннесс», хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти.

Густое темное ирландское пиво нравилось ему всегда и неизменно доставляло краткое утешение от жизненных скорбей. Труднее было найти хороший ресторан с мексиканской кухней, значит и утешиться было труднее. В Голди Хоун он был просто влюблен, вернее, не в нее, а в ее шикарный образ на экране, потому что она на самом деле была красавица и умница, простая и сложная одновременно и чертовски хорошо умела играть в веселую игру жизни. Правда, шансов лично познакомиться с Голди Хоун у него было в миллион раз меньше, чем найти хороший мексиканский ресторан в калифорнийской дыре, названной Мунлайт-Ковом. К счастью, Голди не была единственной причиной, по которой стоило жить, и Сэм был доволен.

На подъезде к городу дорогу обступили высокие сосны и кипарисы, образуя серо-зеленый туннель, расцвеченный мягкими предвечерними тенями. День был безоблачный, но какой-то странный: небо словно выцвело на солнце, в нем не было той кристально чистой голубизны, к которой он привык в Лос-Анджелесе. И хотя было под двадцать градусов тепла, яркое солнце будто заморозило пейзаж вдоль дороги, и он застыл, скованный, точно зимой.

Страх смерти. В его списке это была самая веская причина. Сэму было сорок два, рост пять футов одиннадцать дюймов, вес сто семьдесят фунтов, здоровье — слава богу, но он уже шесть раз успел заглянуть в лицо смерти, видел это проклятое дно, и его не тянуло нырять туда снова.

На правой стороне дороги появился указатель: ОУШН-АВЕНЮ, МУНЛАЙТ-КОВ, 2 МИЛИ.

Сэм не боялся болей, связанных со смертью, терпеть-то он умел. Он не боялся уйти из жизни, не закончив дел; уже многие годы он никуда не рвался, ни о чем не мечтал, цели не было, не было смысла. Но Сэм боялся того, что будет после смерти.

Пять лет назад, скорее мертвый, чем живой, лежа без сознания на операционном столе, он был совсем рядом со смертью. Пока хирурги пытались его спасти, он освободился от своего тела и с потолка наблюдал за своими бранными останками. Затем он ощутил себя летящим в туннеле навстречу ослепительному свету: все было похоже на яркую и страшную рекламную картину — картину смерти. В самый последний момент ловким хирургам удалось затащить его обратно в страну живых, но прежде Сэм успел заглянуть туда, где кончается туннель. То, что он увидел, напугало его на всю оставшуюся жизнь. Теперь Сэм предпочитал любую передрыгу в этой жизни той последней смертельной картине.

Вот и въезд на Оушн-авеню. На пересечении дороги с шоссе Пасифик-Коаст еще один указатель: МУНЛАЙТ-КОВ, 0,5 МИЛИ.

В закатных лучах показались между деревьями первые дома городка, остатки солнца желтым светом озарили окна.

Форма крыши, обилие деревянных деталей на некоторых домах свидетельствовали о причудах архитектора, занесшего в 40–50-х годах тяжеловесный баварский стиль на калифорнийское побережье, другие постройки представляли собой бунгало во французском стиле со множеством украшений в стиле рококо. Остальные появились в последнее десятилетие, сияли множеством окон и выстроились вдоль берега, словно лайнеры, причалившие к зелени побережья со стороны суши.

Сэм пересекал деловой квартал Оушн-авеню, когда его посетило странное чувство: в этом городке что-то было не так. Вроде бы все как обычно — рестораны, таверны, магазины, две церкви, городская библиотека, кинотеатр, но Сэм не мог избавиться от непривычного, холодящего ощущения.

Он не мог объяснить себе причин этого чувства, возможно, виновата была печальная игра света и тени на закате осеннего дня. Католический собор выглядел мрачным сооружением, воздвигнутым вовсе не для людей, один из магазинов, казалось, выцвел на солнце до белизны скелетных костей, а окна остальных домов были как бы занавешены белесыми отблесками, будто люди там занимались чем-то запретным. Тени лежали на земле странно резкие, словно их прочертил кто-то по невидимой линейке.

Сэм притормозил у перекрестка, и ему представилась возможность рассмотреть вблизи жителей городка. Их было в этом месте человек восемь-десять, но и они поразили Сэма, в них тоже было что-то не так. Люди шли по улице, сосредоточенные на чем-то, куда-то спешили, заведенные какой-то посторонней силой, и их рвение никак не сочеталось с образом сонного приморского городка в три тысячи душ.

Сэм вздохнул и поехал дальше по Оушн-авеню, объясняя свои чувства разыгравшимся воображением. Мунлайт-Ков и его обитатели наверняка показались бы ему самыми обычными, если бы он был в этом городке проездом. Сейчас он приехал сюда из-за странных событий, случившихся здесь недавно, и это невольно накладывало на город мрачный отпечаток.

Так успокаивал он себя, но была одна вещь, которая опрокидывала все его доводы.

В Мунлайт-Кове умирали люди, а официальные версии их смерти никуда не годились. Так вот, у Сэма было предчувствие, что истинная причина их смерти таит в себе нечто необычное и пугающее. За долгие годы он привык доверять своим предчувствиям, это не раз спасало ему жизнь.

Сэм припарковал свой «форд» напротив магазина подарков.

К западу от этого места, на краю грифельно-серого моря, бледное солнце опускалось за горизонт, медленно окрашивая небо в грязно-красный цвет. От воды к земле протянулись длинные тонкие щупальца тумана.

3

Крисси Фостер сидела на полу в кухонной кладовке, прислонившись спиной к шкафу с провизией, и рассматривала часы на своей руке. В тусклом свете лампочки, подвешенной под потолком, можно было разглядеть, что за время, проведенное ею в этой маленькой комнате без окон, минутная стрелка успела уже сделать девять кругов по циферблату. Крисси получила эти часы в подарок на день рождения, когда ей исполнилось одиннадцать лет. Это было четыре месяца назад, и тогда они ей страшно понравились, так как это были вовсе не детские часы с персонажами из мультфильмов на циферблате; нет, это были аккуратные, почти дамские часики в позолоченном корпусе, с римскими цифрами, похожие на часы «Таймекс», которые носила ее мать. Но теперь их вид вызывал у Крисси печаль. Эти часы олицетворяли времена счастья и дружбы в их семье, которые миновали навсегда.

К грусти, одиночеству и усталости от долгих часов в заточении добавлялся страх. Страх, оставшийся после утренних ужасных событий, когда отец протащил ее через весь дом и запер в кладовке. В тот момент слез и истерики она была на вершине ужаса от происходящего. Оттого, что стало с ее ро-

дителями. Смертельный ужас не мог длиться долго, постепенно он уступил место лихорадке страха, бросающей то в жар, то в холод, то в головную боль и тошноту, — так чувствуешь себя в начале простуды.

Что они сделают, когда выпустят ее отсюда? Крисси была вполне уверена в ответе на этот вопрос: они собираются превратить ее в одну из себе подобных. Вот только как они это сделают и в кого же она превратится? Она знала, ее отец и мать уже не были обычными людьми, они были другими, но передать словами это отличие Крисси была не в силах.

Последнее обстоятельство ее особенно удручало, слова были ее любимой игрой, она верила в их силу. Читала все, что попадалось под руку: стихи, рассказы, романы, газеты, журналы и даже наклейки на банках с продуктами. Миссис Токава, ее учительница в шестом классе, говорила, что она читает, как десятиклассница. Крисси любила выдумывать и записывать придуманные истории. Решила, когда подрастет, писать романы, как Пол Зиндел или хотя бы как Дэниэл Пинкуотер, хотя больше всего ей нравился Андре Нортон.

Теперь было не до слов: воображаемая жизнь, кажется, так и останется лишь ее фантазией. Эта потеря сладкой мечты пугала Крисси не меньше, чем перемены в ее родителях. За восемь месяцев до своего двенадцатилетия Крисси в полной мере постигла непредсказуемость жизни и, конечно, была не готова к этому печальному опыту.

Ну нет, она еще постоит за себя. Пусть только попробуют сунуться со своими превращениями. В кладовке вполне можно найти какое-нибудь оружие, стоит только поискать на полках; этим Крисси и занялась, когда слезы высохли. Среди банок, коробок, стирального порошка и всякой всячины нашлось то, что ей было нужно. Великолепная вещь — WD-40 — аэрозоль с машинным маслом. Как раз подходящего размера, можно спрятать на себе. Если застать врасплох и брызнуть в глаза, есть шанс от них удрать.

В газетах написали бы крупными буквами: «НАХОДЧИВАЯ ДЕВОЧКА СПАСАЕТ СЕБЯ С ПОМОЩЬЮ БАЛЛОНЧИКА С ОБЫЧНЫМ МАШИНЫМ МАСЛОМ».

С WD-40 в руках Крисси было гораздо спокойнее.

Перед глазами все время возникал образ отца, когда он запер ее в кладовке. Такое не забывается — дикие глаза, раздутые ноздри, оскаленные зубы; багровое лицо было искажено злобной судорогой. «Я еще вернусь за тобой, — крикнул он, брызжа слюной, — я еще вернусь!»

Он закрыл дверь, используя вместо засова ножку стула. Когда в доме стало тихо, Крисси попыталась открыть дверь, но она не подалась ни на миллиметр.

«Я еще вернусь, я вернусь».

Крисси вспомнила ужасного Хайда, описанного Стивенсоном в истории про доктора Джекила. У отца были такие же искаженные черты, глаза, налившиеся кровью. Он сумасшедший — ее отец; он уже совсем не тот человек, каким был когда-то.

Еще ужаснее было воспоминание о том, что она увидела, когда пропустила школьный автобус и застала родителей врасплох в холле наверху. Нет. Они не были больше ее родителями. Они были... чем-то иным.

Крисси содрогнулась.

Встряхнула баллончик с WD-40.

Внезапно на кухне послышался шум, хлопнула дверь черного хода. Шаги. Их двое, трое, может быть, четверо.

— Она здесь, — голос отца.

Сердце Крисси замерло, затем пустилось в галоп.

— Быстро не получится, — сказал третий. Крисси никогда раньше не слышала этот низкий, слегка хриплый голос. — Видите ли, с детьми хлопот куда больше. Шаддэк даже не уверен, что мы готовы совершить это с ребенком. Большой риск.

— Она должна пройти через обращение, Такер. — Это голос матери, Шэрон, хотя и звучит необычно. В нем совсем нет той мягкости, тех музыкальных нот, нет тех волшебных интонаций, с которыми она когда-то читала Крисси сказки.

— Конечно, она должна через это пройти, — согласился незнакомец, которого, очевидно, звали Такер. — Я согласен. И Шаддэк согласен, он затем и прислал меня сюда. Я просто

сказал, что это отнимет больше времени, чем обычно. Понадобится место, где мы сможем связать ее и наблюдать за ней во время обращения.

— Можно пройти сюда. Наверху ее спальня.

«Обращение».

Крисси била дрожь, но она поднялась на ноги и встала напротив двери.

Снаружи раздался грохот — стул отбросили в сторону.

Баллончик был уже наготове, оставалось только нажать на распылитель.

Дверь открылась, прямо перед Крисси стоял отец.

Алекс Фостер. Крисси пыталась думать о нем просто как об Алексе Фостере. Но тот, кто стоял перед ней, выглядел совсем другим человеком.

В нем уже не было ярости; светлые волосы, широкое лицо с крупными чертами, россыпь веснушек на щеках и носу напоминали отца, но глаза... они были чудовищно другими. В них светилось странное желание, острое, жадное. Голод. Да, точно. Отец казался голодным... измученным голодом, снедаемым этим чувством, сжигаемым... но совсем не еды он жаждал. Шестым чувством Крисси осознала эту жажду в напряженных мускулах его лица, эта жажда так распалила его, что, казалось, жар волнами поднимается над ним.

Она услышала: «Выходи, Кристина».

Крисси сжалась, заморгала, словно собираясь заплакать, притворилась, что дрожит, что напугана, что покорилась. Сделала несколько осторожных шагов.

— Ну давай же, давай! — нетерпеливо прикрикнул отец, подгоняя ее.

Крисси шагнула за порог и увидела мать — та стояла сбоку и чуть позади мужа. Шэрон была все так же красива — каштановые волосы, зеленые глаза, но в ней уже не осталось ни капли мягкости и материнской ласки. Чужая, с тяжелым взглядом, она несла на себе печать той же испепеляющей жажды, которой был отмечен ее муж.

Возле кухонного стола стоял незнакомец в джинсах и клетчатой куртке. Очевидно, это и был Такер, с которым гово-

рила мать. Высокий, худой, угловатый, волосы ежиком. Глаза глубоко посажены, нос острый, прямой; тонкие губы, челюсти хищника, готового к расправе с добычей. В руках он держал докторский чемоданчик из черной кожи.

Когда Крисси вышла из кладовой, отец шагнул ей навстречу и тут же получил в лицо с расстояния двух футов струю машинного масла. Так же обошлась она и с матерью. Наполовину ослепшие, они пытались схватить ее, но Крисси вывернулась и бросилась вон из кухни.

Однако Такер, быстро придя в себя от неожиданности, сумел схватить ее за руку.

Развернувшись, она изо всех сил ударила его между ног.

Он лишь чуть-чуть разжал пальцы, но Крисси уже вырвалась и устремилась к выходу.

4

Сумрак надвигался на Мунлайт-Ков с востока, виной тому был туман, состоявший словно не из водяных капель, а из пурпурно-дымчатого света. Когда Сэм Букер вышел из машины, в воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада; он был доволен, что от нее его защищал шерстяной свитер, надетый под вельветовую куртку. Включенные фотоэлементом уличные фонари осветили дорогу. Сэм двинулся вдоль Оушн-авеню, заглядывая в окна магазинов, пытаясь прочувствовать вечернюю жизнь города.

Мунлайт-Ков, по его сведениям, процветал, безработицы практически не было — благодаря компании «Микротехнология новой волны», которая обосновалась в Мунлайт-Кове лет десять назад, — и все-таки Сэм видел тут и там признаки упадка. Магазин дорогих подарков Тейлора и ювелирный Сэнджера прекратили торговлю; сквозь запыленные витринные стекла он видел лишь пустые полки и прилавки, под ними лежали густые неподвижные тени. Магазин модной одежды «Новые привычки» проводил распродажу перед окончатель-

ным закрытием, и, судя по редким покупателям, товар расходился вяло даже за 50–70 процентов от первоначальной цены.

За время, пока он прошел два квартала по одной стороне Оушн-авеню и вернулся на три квартала до таверны «Рыцарский мост» по другой, сумерки мягко уступили свое место темноте.

Город наполнялся морским перламутровым туманом, сам воздух, казалось, был пульсирующим, светящимся; лиловая дымка легла повсюду, уступая место лишь редкой желтизне фонарей, а сверху на улицы медленно падал глухой мрак ночи. Впереди за три квартала двигалась единственная машина; кроме Сэма, по улице никто не шел. Загадочный свет умирающего дня, его одиночество на пустынной улице наводили Сэма на мрачное сравнение Мунлайт-Кова с городом-призраком, городом мертвых. По мере того как сгущающийся туман все выше взбирался на холмы побережья, все больше казалось, что торговая улица навсегда покинута своими хозяевами, что магазины предлагают на продажу лишь паутину, пыль и тишину.

— Сэм, старый черт, не бери в голову, — сказал он себе, — не все так мрачно.

Жизненный опыт превратил Сэма в пессимиста. Жизнь наломала ему бока, и улыбающийся оптимизм был теперь не про него.

Шупальца тумана обвили его ноги. Обескровленное солнце едва цеплялось за край морского горизонта. Сэм почувствовал озноб. Он стоял рядом с таверной и решил зайти выпить чего-нибудь.

Из трех посетителей таверны ни один не производил впечатления человека, довольного жизнью. За темным виниловым столиком мужчина и женщина средних лет перешептывались, склонившись друг к другу. У стойки парень с бледным лицом сжимал в руках кружку пива, нахмутив брови так, словно увидел в напитке муху.

Таверна «Рыцарский мост», в соответствии со своим названием, должна была передавать атмосферу старой Англии. Спинка каждого стула была украшена резными рыцарскими

гербами, раскрашенными от руки и, вероятно, срисованными с какой-то геральдической книги. В углу стояла статуя рыцаря в доспехах. Стены были украшены сценами охоты на лис.

Сэм уселся на табурет у стойки. Бармен тотчас поспешил к нему, на ходу протирая отполированный до блеска дубовый прилавок.

— Что будете пить, сэр? — Каждая черта лица и тела бармена отличалась закругленностью: выпуклый живот, полные руки, густо заросшие волосами; пухлое лицо с маленьким ртом и носом пуговкой; круглые глаза, придававшие его лицу выражение постоянного удивления.

— У вас есть «Гиннесс»? — спросил Сэм.

— Это основа каждого настоящего бара, я бы сказал. Если бы у нас не было пива «Гиннесс»... ну, тогда нам следовало бы назвать заведение чайной. — Медовый голос бармена, казалось, закруглял каждое слово. Он всю старался угодить. — Хотите ледяного или слегка холодного? Есть любое.

— Холодненького.

— Правильно! — Возвратившись с «Гиннессом», бармен представился: — Берт Пекем, совладелец этого бара.

Аккуратно наливая пиво по краю бокала, чтобы избежать обильной пены, Сэм ответил:

— Сэм Букер. Прекрасное место, Берт.

— Спасибо, расскажите при случае своим знакомым. Я вообще стараюсь, чтобы здесь было уютно, чтобы был хороший выбор. Совсем недавно мы не жаловались на недостаток посетителей, но в последнее время все словно решили бороться за трезвость или выпивают у себя дома, одно из двух.

— Ну, положим, сегодня вечер понедельника.

— За последние два месяца мы не набирали и половины клиентов даже в субботу вечером, чего никогда не случалось раньше. — Круглое лицо Берта Пекема сморщилось в гримасе досады. Он не забывал в ходе разговора протирать стойку. — Я не знаю, что с ними стряслось, — может, жители Калифорнии свихнулись на своем здоровье и проводят весь день за аэробикой, едят только проросшие злаки, яичные белки

или еще черт знает что, пьют только минералку, сок или, может, птичье молоко. Но послушайте, денек-другой такой жизни, и вас начнет тошнить от этого.

Сэм отпил «Гиннесса», вздохнул с удовлетворением и произнес:

— Это пиво никому не вредит.

— Верно сказано. Кровь живой циркулирует. И вообще чувствуешь себя в норме. Да любой пастор должен просто призывать людей выпить в день пару кружек. Но не больше — это закон. — Вероятно осознав, что чересчур настойчиво полировал стойку, бармен остановился и скрестил руки на груди. — В нашем городе проездом, Сэм?

— Да, — солгал Сэм. — Путешествую по побережью от Лос-Анджелеса до Орегона, ищу, где бы осесть, пожить на пенсии.

— Пенсия? Шутите?

— Ну, почти пенсия.

— Но сколько же вам? Сорок? Сорок один?

— Сорок два.

— Так вы кто? Взломщик?

— Нет, просто брокер на фондовой бирже. Вложил хорошие деньги в надежное дело. Теперь наконец могу отдохнуть от беготни и спокойно пожить, управляя своим собственным портфелем ценных бумаг. Хотел бы осесть в спокойном месте, где нет ни смога, ни преступности. Я этого вдоволь навидался в Лос-Анджелесе.

— Это правда, что люди делают большие деньги на фондовой бирже? — спросил Пекем. — Мне всегда казалось, что с тем же успехом можно играть в азартные игры. Разве не все разорились на этом деле два года тому назад?

— Для человека со стороны это чистая игра со случаем. Но не для брокера. Просто не надо заниматься все время одной только игрой на повышение. Никакой рыночный курс никогда не падает и не поднимается до бесконечности, надо только знать, когда начинать плыть против течения.

— Ничего себе — пенсия в сорок два года. — Пекем был явно в восхищении. — Когда я подался в бармены, я думал,

что буду обеспечен на всю жизнь. Спросите у моей жены — в прежние добрые времена, когда люди пили, чтобы отпраздновать удачу, забыться в печали, не было лучше дела, чем таверна. А теперь — смотрите, — он показал на почти пустой зал. — Я заработал бы больше, продавая презервативы в монастыре.

— Подлейте еще, — попросил Сэм.

— Хотя, может быть, добрые времена еще вернуться.

Когда Пекем возвратился со второй бутылкой пива, Сэм сказал:

— Возможно, Мунлайт-Ков — это именно то, что мне нужно. Я думаю остановиться здесь, присмотреться. У вас есть на примете какой-нибудь мотель?

— Из действующих остался только один. У нас никогда не жаловали туристов. Да они к нам и не ехали. До этого лета у нас было четыре мотеля. Теперь три из них закрылись. Не знаю... хорошо ли это, плохо ли, но вроде как наш городок загибается. Как мне кажется, мы не то чтобы теряем население, но мы, черт побери, что-то теряем. — Бармен вновь пустил в ход свою тряпку. — Во всяком случае, попробуйте обратиться в «Ков-Лодж» на Кипарисовой аллее. Это будет последний перекресток на Оушн-авеню; аллея тянется вдоль побережья, возможно, вам достанется вид на океан. Чистое, спокойное место.

5

Крисси Фостер выскочила из нижнего холла через парадную дверь на крыльцо. Она побежала вниз по ступенькам, споткнулась, обрела равновесие, повернула направо и помчалась через двор мимо голубой «хонды», видимо принадлежащей Такеру. Она направлялась к конюшне. Сумрак медленно надвигался. Казалось, громом гремели по утоптанной земле ее теннисные туфли. «Надо постараться бежать бесшумно и быстро», — подумала Крисси. Тогда родители и Такер, выбежав во двор, не смогли засечь ее по звуку шагов.

Почти все небо обуглилось до черноты, и лишь запад был окрашен темно-красным пламенем, словно весь свет октябрьского дня сжигался на жертвенном огне, разведенном в гигантском очаге — там, у горизонта. От моря поднимался легкий туман, и Крисси надеялась на его скорое превращение в плотную пелену, в убежище для нее, так нуждавшейся в защите.

Наконец она добралась до первого из двух длинных зданий конюшни и откатила вбок тяжелую дверь. В нос ударил знакомый и всегда нравившийся ей запах — запах соломы, сена, фуража, конского пота, сухого навоза и упряжи.

Она включила ночное освещение — три слабенькие лампочки — достаточно, чтобы все видеть, не тревожа при этом лошадей. По обе стороны от центрального прохода тянулись стойла, по десять слева и справа, несколько любопытствующих лошадиных морд выглянуло из них. Часть животных принадлежала родителям Крисси, но большинство содержалось здесь для других обитателей Мунлайт-Кова и его окрестностей.

Под шумное конское дыхание и жалобное посапывание Крисси бежала через всю конюшню к последнему боксу с левой стороны, где стояла серая в яблоках кобыла по кличке Годива.

К каждому стойлу можно было добраться и с улицы, но в это холодное время года ворота стойл были наглухо закрыты. Годива была послушной лошастью и особенно дружелюбно относилась к Крисси, но была очень пуглива в темноте, поэтому и речи не могло быть о том, чтобы открывать ворота с улицы и заходить прямо в стойло. Гораздо безопаснее и проще было вывести кобылу через общий выход.

Годива уже ждала Крисси. Она вскинула морду, взметнув свою густую белую гриву, и в знак приветствия шумно выдохнула через ноздри воздух.

Следя за дверью в конюшню, в которую в любую минуту могли ворваться родители и Такер, Крисси открыла дверцу бокса и выпустила кобылу.

— Будь умницей, Годива! О, пожалуйста, сделай одолжение!

Надевать седло и уздечку не было времени. Подбадривая лошадь, Крисси провела ее через склад фуража к другому выходу из конюшни, по пути спугнув мышь. Девочка откатила дверь, и внутрь ворвался свежий воздух.

Без стремян Крисси ни за что не забралась бы на лошадь.

К счастью, в углу стояла подставка, на которой подковывали лошадей. Не отпуская Годиву, Крисси подтащила ногой подставку поближе.

В этот момент на другом конце конюшни раздался крик Такера:

— Она здесь, в конюшне! — Он уже бежал к ней.

Подставка оказалась слишком низкой.

Крисси слышала тяжелые шаги Такера, она чувствовала, что он уже совсем рядом, но не поворачивала головы.

— Я поймал ее! — крикнул он.

Крисси ухватила за роскошную гриву Годивы, бросила свое тело вверх, изо всех сил пытаясь перекинуть ногу и с трудом удерживаясь на боку лошади.

Видимо, Крисси причиняла лошади боль, но старушка терпела. Она не билась, не сопротивлялась, словно понимая своим лошадиным инстинктом, что жизнь девочки зависит от ее смирения. Наконец Крисси удалось взгромоздиться на спину Годивы; посадка была неуверенной, но она держалась, сжав колени и уцепившись рукой за гриву. Другой рукой она хлопала лошадь по боку.

— Ну, давай же! Вперед!

Такер был уже рядом, он схватил ее за ногу, вцепился в джинсы.

Глаза его обезумели от ярости, ноздри раздувались, рот искривился в оскале. Крисси ударила его ногой в подбородок, и он разжал пальцы.

В то же мгновение Годива рванулась вперед через открытые ворота, в ночь.

— Она взяла лошадь! — вопил Такер. — Она на лошади!

Оглавление

Часть первая. НОЧЬ НА ПОБЕРЕЖЬЕ.....	7
Часть вторая. РАССВЕТ В ПРЕИСПОДНЕЙ.....	247
Часть третья. ИМ ПРИНАДЛЕЖИТ НОЧЬ	417

Кунц Д.

К 91 Полночь : роман / Дин Кунц ; пер. с англ. В. Шулякова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. — (The Big Book. Дин Кунц).

ISBN 978-5-389-16426-0

Сэм Букер, человек трудной, несчастливой судьбы, по заданию ФБР отправляется в маленький калифорнийский городок Мунлайт-Ков. Здесь в течение недолгого времени множество его обитателей пали жертвами таинственного убийцы. Но то, с чем Сэму пришлось встретиться и вступить в борьбу, много жестче, опаснее и безумнее всех преступников и маньяков, с которыми он встречался раньше.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДИН КУНЦ
ПОЛНОЧЬ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.07.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-КВВ-24874-01-Р